

Глава 1

Дом был заброшен и пуст. Холод врывался в него со всех сторон, просачивался и, казалось, жил в каждом углу. А над ванной вообще нависли сосульки. Она покоилась там. Он посмотрел и подумал: «Она начала синеть, ее тело стало заметно голубым — под цвет льда, в который она вмерзла».

Ему мнилось, что она в этом льду как принцесса. Как замороженная принцесса.

Пол, на котором он сидел, был ужасно холодным, но его это не заботило. Он протянул руку и погладил ее.

Кровь на ее запястьях уже давно застыла и превратилась в ледяную корку.

Сейчас он любил ее еще сильнее, чем прежде. Кончиками пальцев он погладил ее руку, будто прикасаясь к душе, которая ушла из этого мертвого тела.

Он не обернулся, когда уходил. Зачем прощаться, когда приходишь повидаться после долгой разлуки?

«Как давно я тебя не видел...»

Эйлерт Берг был не очень счастливым человеком. Он тяжело дышал и буквально видел, как из его легких с трудом, комочками, вырывается дыхание. Но,

как ни странно, здоровье его не особенно беспокоило, это был не тот предмет, который его заботил.

Когда-то Свеа была так роскошна, что после свадьбы Эйлерт едва дотерпел до того момента, когда окажется с ней в супружеской постели. Она казалась такой кроткой, дружелюбной и немного застенчивой, но ее настоящая сущность проявилась довольно скоро, как только поблекли удовольствия юности. Уверенной рукой она засунула Эйлерта себе под каблук и держала его там почти пятьдесят лет; но у него была тайна: первый раз в жизни он увидел возможность получить немного свободы хоть на склоне лет и не хотел отказываться от этой мысли.

Всю жизнь он надрывался у моря, ловя рыбу, и заработанного как раз хватало на то, чтобы содержать Свеа и детей. После того как он вышел на пенсию, денег стало вдвое меньше. А если у тебя в кармане нет ни гроша, то просто невозможно бросить все и начать новую жизнь где-нибудь в другом месте. Эта возможность пришла к нему как озарение свыше, и, кроме того, все оказалось пугающе просто. Но в конце концов, если у кого-то есть желание платить сумасшедшие деньги за несколько часов работы в неделю — это их дело. Он не собирался жаловаться по этому поводу. Заначка, припрятанная в деревянной коробке позади компостной ямы, становилась все больше и радовала глаз. И все это только за год. Так что скоро он скопит достаточно, чтобы податься в края потеплее.

Он остановился перевести дыхание перед последним крутым подъемом и размял натруженные руки.

Хорошо бы осесть где-нибудь в Испании или, может быть, в Греции. Там он сможет немного отогреться от холода, который пробрал его до костей за всю жизнь здесь. Эйлерт подсчитал, что у него, наверное, будет по меньшей мере лет десять до того, как он отбросит коньки, и мысли об этом помогали ему переносить настоящее. Он с омерзением вспомнил о злобной бабе у себя дома.

Ежедневная прогулка тихим утром была для Эйлерта единственной возможностью побыть в мире и покое и, кроме того, шла ему на пользу, служа своего рода зарядкой. Он всегда ходил одной и той же дорогой, и те, кто знал его привычки, часто останавливались перекинуться с Эйлертом парой слов. Особенно нравилось ему разговаривать с той великолепной девушкой из дома далеко наверху на холме, у школы Хокебакен. Она бывала здесь только по выходным, приезжала всегда одна, но каждый раз находила время поговорить о погоде, о том о сем. Кроме того, ее очень интересовала Фьельбака, какой она была в старые времена. Ее звали госпожа Александра. Эйлерт с удовольствием болтал с ней, при том что от нее вообще нельзя было оторвать глаз. Хотя у него, можно сказать, все давно поросло мхом, он, невзирая на годы, прекрасно понимал, какая она красивая. Конечно, в поселке судачили на ее счет, но стоит только начать слушать сплетни, как у тебя точно не останется времени ни на что другое.

Примерно год назад Александра спросила, не согласится ли он присматривать за ее домом, раз все

равно проходит мимо, хотя бы по пятницам утром. Дом был старый, его отопительный котел, как и водопровод, довольно ненадежен, а ей не очень бы хотелось приехать на выходные и оказаться в выстуженных комнатах. Она бы дала ему ключ, чтобы он мог заходить в дом и смотреть, все ли там в порядке; в округе уже было несколько случаев взлома, поэтому хорошо бы Эйлерт посматривал, целы ли окна и дверь и нет ли какого ущерба. Эта просьба не показалась ему особо обременительной, тем более что раз в месяц конверт с его именем появлялся в почтовом ящике Александры; в конверте была внушительная, на взгляд Эйлерта, сумма. Кроме того, он думал, что это хорошо — знать и ощущать, что ты делаешь что-то полезное. Тяжело оказаться не у дел, после того как проработал всю жизнь.

Калитку в сад перед входом в дом немного перекосило, поэтому она протестующе закрипела, когда он открывал ее. Сад был неухожен, и он стал размышлять, не подыскать ли какого-нибудь парня из местных, чтобы помочь госпоже Александре с садом — ведь не бабская это работа.

Он достал ключи и крепко зажал их в руке, чтобы не уронить в глубокий снег. Даже ползая на коленях, в таком сугробе он бы искал их до бесконечности. Ступеньки на крыльце обледенели и стали скользкими, так что подниматься пришлось медленно и осторожно. Эйлерт только собрался вставить ключ в замочную скважину, как вдруг заметил, что дверь приоткрыта. Это его озадачило, но он распахнул дверь и вошел в прихожую.

— Эй, есть дома кто-нибудь?

Может быть, она сегодня приехала немного раньше? Никто не ответил. Эйлерт увидел, как пар от его дыхания вылетает изо рта, и внезапно понял, что в доме чертовски холодно. Это его здорово смутило: что-то здесь явно не так, совершенно неправильно, и ему показалось, что дело совсем не в сломавшемся отоплении.

Он обошел комнаты: кажется, ничего не тронуто. Дом такой же опрятный, как обычно: и видео, и телевизор стояли на своих местах. После того как Эйлерт осмотрел все внизу, он подошел к лестнице, ведущей на второй этаж. Крепко держась за перила, он поднялся по крутым ступеням и заглянул сначала в спальню — это была женская спальня, обставленная со вкусом и такая же красивая, как и все остальное в доме. Кровать была заправлена, около нее стояла сумка с вещами, но не похоже, чтобы вещи распаковывали. Эйлерт сразу же почувствовал себя довольно глупо. Наверное, она приехала на этот раз пораньше, обнаружила, что отопление не работает, и пошла поискать кого-нибудь, чтобы наладить котел. Но тем не менее он сам не верил в это простое объяснение — что-то было не так. Эйлерт чувствовал это нутром, примерно так же, как иногда ощущал приближение шторма, и поэтому он осторожно продолжил обход дома. Дальше располагалась большая гостиная со стенами, обшитыми деревом, и массивными балками на потолке. Два дивана стояли друг напротив друга по обе стороны от камина; несколько газет были не-

брежно брошены на журнальном столике, но в целом все находилось на своих местах. Он опять спустился на первый этаж. Ничего особенного, все выглядело так, как должно быть. Ни в кухне, ни в гостиной ничего не изменилось, все вроде как обычно. Последней комнатой, куда он еще не заходил, оставалась ванная. Но что-то заставило его помедлить, прежде чем открыть дверь. Кругом было тихо и спокойно. Он постоял, замешкавшись, но потом подумал, что, наверное, выглядит просто смешно, и решительно толкнул дверь.

Секундой позже он изо всех сил бежал к входной двери — настолько быстро, насколько ему позволял возраст. В последний момент он вспомнил, что лестница скользкая, ухватился за перила и умудрился не свернуть себе шею на ступеньках. Увязая в глубоком снегу, он с трудом пересек сад, моля Бога, чтобы калитку не заклинило. Снаружи, на тротуаре, он в нерешительности остановился. Внизу, на дороге, он увидел какую-то фигуру, которая приближалась к нему размеренным прогулочным шагом, и сразу понял, что это дочь Туре — Эрика. И он закричал, чтобы она остановилась.

Она устала, просто смертельно устала. Эрика Фальк выключила компьютер и пошла на кухню, чтобы налить себе еще кофе. Она чувствовала себя зажатой со всех сторон: издательство давило на нее, желая получить рукопись книги в августе, а она едва начала ее писать. Книга о Сельме Лагерлёф должна

была статья ее пятой — лучшей — биографической книгой о шведских женщинах-писательницах, но Эрика не находила в себе ни малейшего вдохновения и совершенно не хотела писать. Прошло уже больше месяца со дня смерти ее родителей, но чувство утраты все еще терзало ее, будто это произошло вчера. Разобраться в доме родителей оказалось совсем не так просто, и на это требовалось больше времени, чем она надеялась. Все пробуждало воспоминания. Упаковка каждой коробки занимала у Эрики по несколько часов, потому что любая вещь вызывала в памяти картинку из жизни, которая временами казалась очень и очень близкой, а иногда — более чем далекой. Но что поделаешь! За квартиру в Стокгольме было заплачено вперед, так что Эрика вполне могла позволить себе жить здесь, в родительском доме во Фьельбаке, и писать. Дом стоял не очень далеко от Сельвика, вокруг было изумительно красиво и спокойно.

Эрика сидела на веранде и смотрела в море на шхеры. От этой картины у нее всегда захватывало дух: каждое время года, сменяясь, привносило свои красочные декорации в этот живописный спектакль; и сегодня днем она любовалась солнечным сиянием, которое каскадами света заливало лед, покрывавший воду толстыми пластами. Ее отцу такой день наверняка бы понравился.

У Эрики перехватило дыхание, воздух в доме показался спертым настолько, что ей стало трудно дышать, и она решила пойти прогуляться. Термометр показывал минус пятнадцать градусов, и она утепли-

лась, как только могла. Однако едва она вышла за дверь, ее тут же охватил холод, но она пошла довольно быстро и скоро согрелась.

На улице было умиротворяюще спокойно и безлюдно. В тишине Эрика слышала только собственное дыхание. Контраст с летними месяцами просто поражал: летом в поселке бурлила жизнь, поэтому в это время Эрика старалась держаться от Фьельбаки подальше. Прекрасно понимая, что само существование поселка зависит от туристов, она тем не менее никак не могла избавиться от ощущения, что каждое лето во Фьельбаку вторгаются захватчики, и это ужасно напоминало ей нашествие саранчи. Многоголовый монстр медленно, год за годом заглатывал старый рыбацкий поселок, скупая дома, в первую очередь возле моря, а на остальные девять месяцев в году Фьельбака превращалась в поселок-призрак. Столетиями источником существования для Фьельбаки была ловля рыбы. Неласковая природа и постоянная борьба за выживание, когда все зависело от того, будет селедка мигрировать в прибрежных водах или нет, закаляли характер и без того сильных людей. Но во Фьельбаке было очень красиво и живописно, и сюда потянулись туристы с тугими кошельками. В то же время рыболовство пришло в упадок и потеряло свое значение как единственный источник существования. Эрика видела, как год от года местные жители кланяются все ниже и ниже. Молодежь уезжала из Фьельбаки, а старики вспоминали минувшие времена; да и она сама была одной из многих, кто захотел уехать.

Она продолжала идти по дороге, повернула налево к холму, поднимавшемуся к школе Хокебакен. Когда Эрика была уже почти у самой вершины, она вдруг услышала, что Эйлерт Берг кричит ей что-то, что именно — она не смогла разобрать. Он махал руками и быстро шел к ней.

— Она там мертвая.

Эйлерт едва мог дышать: он делал короткие неглубокие вдохи, которые со свистящим звуком вырывались у него из груди.

— Да успокойся же ты, Эйлерт! Что вообще случилось?

— Она лежит мертвая — там внутри.

Эйлерт показал на большой небесно-голубой деревянный дом довольно далеко от них, на вершине холма, и при этом вопросительно посмотрел на Эрику.

Эрика не сразу поняла, что он сказал, — прошло какое-то время, — но когда уловила смысл, то бегом бросилась наверх, и вскоре они уже с трудом пробрались через запущенный сад к двери. Эйлерт оставил дверь открытой. Эрика осторожно переступила через порог, не очень понимая, чего ей следует ждать и что она может увидеть. По какой-то причине Эрика ни о чем не спрашивала Эйлерта.

Эйлерт шел следом за ней, очень осторожно, потом молча махнул рукой в сторону ванной комнаты на первом этаже. Эрика не пошла туда сразу же. Она повернулась и с немым вопросом посмотрела на бледное лицо Эйлерта. Он сказал срывающимся голосом:

— Там внутри.

Много воды утекло с тех пор, как Эрика заходила в этот дом последний раз. Когда-то она хорошо его знала и прекрасно помнила, где ванная. Внезапно ее пробрал холод, хотя она и была тепло одета. Дверь открывалась вовнутрь; Эрика толкнула ее и медленно вошла. Она не очень хорошо понимала, чего ей, собственно, ожидать после маловразумительных объяснений Эйлерта, и поэтому оказалась совершенно не готовой к виду крови. Ванная комната была полностью выложена белым кафелем, и поэтому впечатление от увиденного казалось намного сильнее. И на какую-то секунду, прежде чем она поняла, что там, в ванне, — действительно человек, она подумала, что это красивый контраст.

Хотя тело женщины стало неестественного голубовато-белого цвета, Эрика сразу узнала ее. Это была Александра Вийкнер, в девичестве Карлгрен, дочь владельцев этого самого дома, в котором сейчас стояла Эрика. Когда-то в детстве они были лучшими подругами, но с тех пор словно прошла целая вечность. Теперь женщина в ванне казалась совсем чужой.

Мертвые глаза были умиротворенно закрыты, но губы стали отчетливо синего цвета. Все покрывал толстый слой льда, который скрывал нижнюю часть тела полностью. Правая рука свисала с бортика; пальцы касались лужи застывшей на полу крови. На краю ванны лежало бритвенное лезвие. Другая рука ниже подмышки полностью вмерзла в лед. Из ледяного пласта еще виднелись колени. Длинные светлые

волосы Алекс, казалось, светились, как солнечные лучи, но эти лучи застыли и превратились в сосульки. Эрика долго стояла и смотрела на Александру. Ее затрясло от холода и от ощущения безысходного одиночества, которое олицетворяла собой эта жуткая картина. Эрика медленно попятилась и вышла.

Все, что происходило потом, она воспринимала не очень ясно, словно сквозь туман. Она позвонила дежурному врачу из неотложки по мобильному телефону, и они ждали вместе с Эйлертом, когда подъедет «скорая помощь». Эрика снова оказалась в состоянии шокового оцепенения, как в тот день, когда узнала о смерти своих родителей, и как только она наконец оказалась дома, тут же налила себе хорошую порцию коньяка — может быть, это было не то, что прописал бы доктор, но, по крайней мере, после коньяка у нее перестали трястись руки.

Увиденное заставило Эрику обернуться назад, вернуться в детство. С тех пор прошло больше двадцати трех лет. За это время многие люди появлялись в жизни Эрики или исчезали из нее, но Александра всегда оставалась с ней, в самом ее сердце. Тогда они были всего лишь детьми, повзрослев — стали чужими друг другу. Но тем не менее Эрика с трудом могла смириться с мыслью о том, что Александра совершила самоубийство, хотя картина, которую она увидела в ванной, не оставляла практически никаких сомнений. Та Александра, которую знала Эрика, была одним из самых жизнерадостных и уравновешенных людей в ее жизни. Красивая, уверенная в себе, с по-